

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

ЗЛАЯ МАТЬ

ЛАРИСА – 50 лет

ВИТЯ – 23 года

ПАША – 30 лет

И несколько персонажей анимационного фильма.

1.

Лариса у психотерапевта.

ЛАРИСА. Я просто так отдыхать не люблю. Время уходит. Ну, допустим, неделю могу, а потом всё, надо куда-то бежать, что-то делать. Потом у меня перед глазами все те деньги, что я не заработала. Потерянные деньги. У меня же языковой центр, там знаете, сколько дел! Я ещё при нём магазин открыла, выгодно, конечно, но налоги замучали. Приходится что-то скрывать, всю жизнь рискую так. Зато две квартиры купила, вернее, у меня их три, но про одну все знают, а про те две никто, они в разных городах. Мне спокойнее как-то. Всегда знаю, что не буду нищая пенсионерка, не буду копейки эти копить, как у нас все в стране. Медицину развалили, вы посмотрите! Нельзя в этой стране болеть. И если денег нет, то нет смысла болеть – не вылечат. А кто меня будет лечить, надеяться не на кого, я одна.... Ладно, не будем о грустном. О чём мы говорили? А, и хобби эти тупые не люблю, на которые надо деньги тратить. Допустим, горшок слепить из глины – вот куда я его потом дену, а? Мне же надо его продать, а это опять надо придумать, как. Или картина. Нарисую, и что дальше? Сколько холст стоит, масло. И время – я бы пару учеников лучше взяла и сотню долларов заработала. Нет, это всё не для меня. Теннис – очень дорогой спорт, на фиг. Вот бегом, да, занимаюсь, бегаю в парке. Потому что бесплатно. На йогу бы надо, так это платить, не буду. Так что из хобби у меня только мужчины, опять же, кто в ресторан сводит, кто на концерт, как говорится, и рыбку съесть. Расходы у меня большие, и сокращать их не хочу. Медстраховка. Конечно, зубы, ну вы сами знаете, сколько коронки из диоксида циркония стоят. Гигиенист два раза в год, пародонтолог, курс инъекций витаминов. Потом, косметолог: ботокс, мезотерапия, гиалуронка в носогубки немножко, пилинги, самый лучший – ретиноевый, ну и кислотные тоже. Ещё лазерное омоложение – осветлить кожу, убрать капилляры, пятна, удалить папиломы. То есть, это лицо и тело, большие деньги. Поэтому возраст мне мой никто не даёт. Одежда – мне нравятся Нидерланды, Дания, американские бренды – это всё теперь, конечно, в копейку, с нашим рухнувшим рублём, мать его. Хорошо, что у меня есть привычка покупать доллары и евро. Последние десять лет каждый месяц покупала, и теперь наравдаться не могу. Когда опять накатывает – ну, вся эта паника, страна катится в жопу, всё пропало, мы будем нищие, опять вернутся девяностые, - когда это всё накатывает, я просто их достаю из сейфа и рассматриваю. И успокаивает, знаете, сразу легче, дыхание выравнивается. А если коньячку выпить, то совсем хорошо. И любовнику

позвонить. А то, знаете, иначе какая-то тревога внутри, всё кажется, что кто-то подойдёт и по спине ударит. И сны – снится, что у меня всё отобрали, и я на улице живу. Мне в детстве мама так говорила: будешь плохо учиться – пойдёшь на улицу жить. Ну, не так, конечно, резче, матом, но не хочу сейчас. Добрая мама, конечно, была.

2.

Витя готовит что-то изысканное на кухне под музыку Филиппа Гласса. Входит нарядная Лариса, сразу идёт к плите и начинает всё пробовать.

ВИТЯ. Хэллоу. Хау ар ю?

ЛАРИСА. Соскучился?

ВИТЯ. О! Смертельно.

ЛАРИСА. Сам как?

ВИТЯ. Норм.

ЛАРИСА. Я там чувака привела ночевать.

ВИТЯ. Чё за чувак?

ЛАРИСА. Хороший чувак. Сергей Геннадьич.

ВИТЯ. Где взяла?

ЛАРИСА. Там.

ВИТЯ. Ты, хоть, закусывала?

ЛАРИСА. Зануда.

ВИТЯ. Завтра ручки будут дрожать.

ЛАРИСА. Зануда.

ВИТЯ. Ножки.

ЛАРИСА. Отстань.

ВИТЯ. Голова будет болеть. А на работу ехать.

ЛАРИСА. А ты-то когда поедешь? На работу.

ВИТЯ. Мам.

ЛАРИСА. Чего?

ВИТЯ. Хватить кусочничать тут, у меня сложный рецепт.

ЛАРИСА. Сегодня выхожу из машины около БКЗ. И паренёк один, такой, медленно подходит так. Волосы длинные такие, пшеница, глазки большие, голубые, как у Христа. Но только фингал под глазом. Протягивает ко мне руки и тихо говорит что-то. Типа, «молись и кайся».

ВИТЯ. Баптист что ли?

ЛАРИСА. Но нет, слышалось. Он говорит: «Девушка, мне бы денежек на пивасик». Я, такая, заинтересовалась: «А работать вам религия не позволяет? Вы же молодой здоровый мужчина». А он мне: «А я не религиозный. Но очень несчастный, очень». А я: «И поэтому живёте подаянием?» А он, такой, сразу вскинулся этак: «Но я страдаю! Страдаю! Я живу в подвале! У меня вши!»

Представляешь, у него вши.

ВИТЯ. Фу, ты далеко стояла, надеюсь?

ЛАРИСА. И я сразу тебя вспомнила.

Из спальни Ларисы мужской голос: «Ларису Ивановну хочу!»

Надо попросить чувака, чтобы он поговорил с тобой по-мужски.

ВИТЯ. Чего?

ЛАРИСА. По-мужски. Чтобы ты работу нашёл. Чего молчишь?

ВИТЯ. Ты полотенце уронила.

ЛАРИСА. А тебе-то что? Не твоё полотенце. Тут нет ничего твоего. Тебе двадцать три года!

ВИТЯ. Началось...

ЛАРИСА. Двадцать три года! Твою мать! Я в этом возрасте уже джинсами спекулировала!

ВИТЯ. И в Прибалтику ездила...

ЛАРИСА. И в Прибалтику ездила! Дикарём!

ВИТЯ. Ты крутая, мать.

ЛАРИСА. Я крутая, да. А ты?

ВИТЯ. Там посмотри, может, сбежал твой чувак, пока ты тут разорешься.

ЛАРИСА. А ты матери не хаами!

ВИТЯ. Короче, достала ты меня.

Витя уходит. Лариса руками ест то, что он готовил.

3.

Анимационный фильм Вити. Илларион в противогазе сидит у Эйчара.

ЭЙЧАР. Илларион. Илларион. Ил-ла-ри-он. Маза фака. Представляете, клиент должен назвать вас по имени. Как он должен это делать? Вы бы хоть имя поменяли, а то вас на работу никто не возьмёт. Типа, Ларри. Как вам – Ларри? Хотя, вряд ли поможет. Я проанализировала ваше резюме. Не фонтан. Вы никто. Ни опыта, ни образования. Шлак. Бесполезное существо. Что можно вам предложить? Нитки наматывать на катушки? Но ведь порвёте. Даже не знаю... У нас есть одна вакансия, там нужно продавать цветы. Вы умеете продавать? Что? Я не вижу ваших глаз. Что вы там бубните? Снимайте уже этот свой карнавал.

ИЛЛАРИОН (*снимает противогаз*). Атмосфера страшно ядовитая. Не знаю, как вы справляетесь. Я пробовал пить противоядие, не помогает – реально отравленный воздух.

ЭЙЧАР. Внутри помещения он чистый, а я сутками на работе, не выхожу почти.

ИЛЛАРИОН. Это вариант.

ЭЙЧАР. Не увиливайте. Я задала вопрос.

ИЛЛАРИОН. Да.

ЭЙЧАР. Да?

ИЛЛАРИОН. Да.

ЭЙЧАР. Деньги. Это ответственность. Кассовый аппарат. А ещё надо уметь цветы упаковывать. Красиво упаковывать, с ленточкой. Руки у вас откуда растут?

ИЛЛАРИОН. В этом плане я стандартный.

ЭЙЧАР. Все так говорят, а потом оказывается, что один без головы, второй без рук. Ну ладно, допустим. Приступайте.

Илларион уходит. Илларион заходит в магазин цветов, надевает фартук. В магазин врывается толпа людей и ломает все цветы. Илларион (с розой, насквозь торчащей из левого и правого уха) снова у Эйчара.

ИЛЛАРИОН. Роковое стечение обстоятельств.

ЭЙЧАР. Ну-ну.

ИЛЛАРИОН. Они ворвались и уничтожили все цветы.

ЭЙЧАР. И почему?

ИЛЛАРИОН. Потому что цветы из Голландии.

ЭЙЧАР. Патриоты. Вот зараза наших дней. Но вы должны защищать свой товар.

ИЛЛАРИОН. Наши силы были не равны.

ЭЙЧАР. Такая черта, как преданность товару – это необходимо.

ИЛЛАРИОН. Я преданный. Я предан зубной пасте Колгейт, например, с рождения. Предан чикен-макнагетс.

ЭЙЧАР. Патриоты нас всех уничтожат. Или всё переименуют, будет паста “Пионерская зорька” и куриные фрикадельки. Идите работайте санитаром в больницу. Говно убирайте за больными.

Илларион уходит.

4.

Лариса и Паша занимаются английским в классе.

ЛАРИСА. I kinda doubt she was a virgin.

ПАША. Эээ... Я сомневаюсь, что она была девственница?

ЛАРИСА. Да, а kinda запишите себе. Это слово переводится как «вроде», «как будто».

ПАША. Кинда.

ЛАРИСА. Unfortunately, you don't have the balls to back up the actions of your huge cock.

ПАША. Эээ... Я понял, что там вначале, типа, к сожалению, а потом яйца, ну и последние два слова тоже понял. А всё вместе нет.

ЛАРИСА. Сосредоточимся на back up. “Резервное копирование». «Давать задний ход». В данном случае можно перевести как «поддержать». То есть вся фраза целиком... Кстати, переведите её дома, тут есть несколько интересных вариантов.

ПАША. Всё-таки богатая идея – учить английский по Тарантино.

ЛАРИСА. Да, обогащает. Ну что ж, домашнее задание мы записали, урок закончен, до встречи в четверг.

ПАША. Да. А у меня вопрос.

ЛАРИСА. По домашнему заданию?

ПАША. Нет, помимо. Э-э-э... А вы музыку любите?

ЛАРИСА. Да.

ПАША. Какой вопрос, такой ответ. Я хотел вас пригласить на концерт. «Дах дотерс» из Киева приезжают. В субботу.

ЛАРИСА. Хотел? И уже не хотите?

ПАША. Хочу. Я хочу вас пригласить.

ЛАРИСА. Хорошо, идём.

ПАША. Отлично!

ЛАРИСА. Но только уроки наши не станут бесплатными.

ПАША. В смысле?

ЛАРИСА. Мы можем приятно проводить время, заниматься сексом, но уроки уроками. Бесплатно я не преподаю.

ПАША. Э-э-э.. Конечно, конечно.

ЛАРИСА. Лучше сразу перейдём на ты. Ты, Паша, очень симпатичный.

ПАША. Да, ты тоже. Ты красивая, Лариса. Очень.

ЛАРИСА. Да, это важно: сначала никакой Лоры, никакой Лары – только Лариса. Ты как предпочитаешь: каждый за себя платит или по-старому?

ПАША. По-старому, конечно.

ЛАРИСА. Так, ставлю плюстик. Не давай мне напиваться, ладно?

ПАША. Ладно.

ЛАРИСА. Не стесняйся приобнять. Я буду подыгрывать – глупо хихикать и подстраиваться снизу. Но никаких, конечно, этих всех “малышей”, “зайчиков”, “человечков”, да?

ПАША. Я такое и сам терпеть не могу.

ЛАРИСА. На лилии у меня аллергия. Розы терпеть не могу. Ты же знаешь, что мне пятьдесят лет?

ПАША. Я не знал.

ЛАРИСА. Тебе где-то тридцать пять, да?

ПАША. Тридцать.

ЛАРИСА. Отлично, гладкие упругие двадцать лет между нами. Заедешь за мной?

ПАША. Да, конечно.

ЛАРИСА. Тебе бы пошла борода.

ПАША. Я отпущу.

ЛАРИСА. Не забудь сделать домашнее задание к четвергу.

Лариса уходит.

5.

Лариса и Витя на кухне, Витя готовит, Лариса курит в форточку. Потом они вместе едят.

ЛАРИСА. Сегодня иду по бульвару, музыку слушаю, и тут ко мне девица какая-то подходит, не юная уже, какая-то неряшливая. Книжку протягивает: мол, возьмите, слово божье. А сама мрачная, не улыбается, ни здрасьте, ни пожалуйте. Я ей спокойно так отвечаю: нет, спасибо, и дальше снова собираюсь музыку слушать. А она мне так с нажимом: читайте Библию, чтобы спастись! Тут я не выдержала, разворачиваюсь к ней и громко так, своим прокаченным учительским голосом, говорю: займитесь делом, чтобы спастись! Найдите работу, чтобы спастись! Помойте голову, чтобы спастись!

ВИТЯ. Господи, напугала человека. Ты страшная, мать.

ЛАРИСА. А ты лузер.

ВИТЯ. Мать, ты вообще, в принципе, помнишь, что я твой сын? Ты должна меня любить, заботиться обо мне, по идее.

ЛАРИСА. Ваше поколение какое-то никакое. Такие мягкотелые, прямо пнуть хочется. Такие инфантилы, ужас. Никто не обязан беречь вашу самооценку. Вообще, никто не обязан вас любить, щадить, создавать особые условия вам все эти. Я с тобой нянчилась, когда ты родился, и потом ещё много лет, но теперь тебе двадцать три.

ВИТЯ. Я и не прошу, чтоб ты нянчилась.

ЛАРИСА. Но по факту получается, что так. Я тебя соержу.

ВИТЯ. Когда ты последний раз давала мне деньги?

ЛАРИСА. Я оплачиваю интернет, коммунальные расходы. Продукты покупаю.

ВИТЯ. Я готовлю, прибираюсь в квартире. Ты же засранка, за собой никогда не убираешь, даже волосы из раковины. Ты когда зубы чистишь – все стены забрызганы. А я всё мою бесконечно. Каждый бутылёк твой оттираю, волосы из расчёски достаю, коврик стираю, сантехнику чищу каждый день. Перчатки резиновые дырявые, я сколько тебя прошу новые перчатки купить?

ЛАРИСА. Тратить ты умеешь.

ВИТЯ. Мам, ну перестань, а? Я ими унитаз чищу. Кожа стала смотри – дубовая от химии, почти ожог от Комета этого. Ты, кстати, гель на той неделе не купила, так я посуду мою с содой и горчицей. Окна тру каждую неделю, ты не замечаешь, да? Окна прозрачные, ты посмотри. Вообще, воздух в квартире хрустит, пока ты не куришь. Вкалываю в день по пять часов, а ты ничего не замечаешь. Только мужиков водишь.

ЛАРИСА. Слушай, моя квартира, кого хочу, того и вожу. Хоть трансгендеров.

ВИТЯ. Да води на здоровье. Только от меня отстань.

ЛАРИСА. Сын, я не хочу, чтобы ты посуду мыл и унитазы чистил, можно нанять кого-нибудь. Я хочу, чтобы ты занимался своей карьерой. Чтобы не сидел дома. Ты хоть сам-то осознаёшь, что это патология – вот так сидеть дома?

ВИТЯ. Я буду работать. Это временный период.

ЛАРИСА. Временный период? Really? Сначала ты бросил философский факультет, ну ладно, думаю, каждый может передумать, и потом, куда эту философию? Что с ней делать? Ладно, пошёл учиться на повара, окей, мальчик всегда любил готовить, жалко, конечно, на олимпиады ездил, отличник, странно, вообще, но вдруг это призвание, вдруг это работа в Монако, в мишленовских ресторанах, а потом и свой ресторан, а потом сеть, и короче, такой Джейми Оливер, популярная персона и красавчик. Но мальчик отучился на повара и сидит дома. What the fuck?

ВИТЯ. Ну я сто раз тебе говорил, ну сколько можно? Я понял, что это не моё призвание. Не хочу это делать по десять часов в день. Я тогда возненавижу готовить.

ЛАРИСА. Возненавижу, надо же. Витя, я, вот, тоже не всегда так уж люблю преподавать английский язык, знаешь. И переводы по ночам делать не то чтобы вождедею. И налоговая когда интересуется, я бы всё бросила и исчезла. И с коллективом совсем не хочется конфликты разгребать, увольнять вообще ненавижу. Я бы как ты лучше киношку посмотрела, почитала. Но жизнь – это усилия, понимаешь? Есть такое слово – надо. Есть цель, ты к ней идёшь, напрягаешься.

ВИТЯ. Я напрягаюсь.

ЛАРИСА. Да ладно.

ВИТЯ. Напрягаюсь. Интеллектуально. Ищу себя.

ЛАРИСА. Нашёл?

ВИТЯ. Может, да. Осваиваю анимацию. Учусь делать анимационные фильмы.

ЛАРИСА. Витя, дорогой, я понимаю, есть много интересных занятий, ты у нас мальчик любопытный: ты и музыку сочинял, и фотографировал, и рисовал, историей увлекался, шить научился, но только где материальные результаты? Ты сидишь в болоте. Посмотри: друзей нет, волосы не стрижёшь, носишь какое-то барахло.

ВИТЯ. Это папины вещи.

ЛАРИСА. Папины вещи? Потрясающе! И говноступы те папины?

ВИТЯ. Хорошие ботинки, югославские.

ЛАРИСА. Югославии больше нет, ты не в курсе?

ВИТЯ. Они качественные!

ЛАРИСА. Им больше лет, чем тебе. Мне стыдно за тебя. Стесняюсь подругам показывать. Выглядишь как бомж. И карьер у тебя.

ВИТЯ. Заработаю – вставлю искусственные.

ЛАРИСА. Когда? Когда заработаешь?

ВИТЯ. Не знаю. А ты, ты бы лучше поддержала меня. Ты же мать. Я же у тебя один сын. А когда-нибудь ты станешь старой, и тоже не будешь работать. Кто тогда твои пролежни будет промывать?

ЛАРИСА. Пролежни? Нормально.

ВИТЯ. Да, ты не знаешь, ты же не знаешь, что будет. И кто будет твоё судно выносить.

ЛАРИСА. Так, всё, кончай фантазировать. Витя, я серьёзно говорю: надо эту ситуацию как-то решать уже. Три года сидения дома – это реально страшно уже. Это, может, депрессия. Давай так: иди к психологу. Я оплачу. Иди. Выгуливай там тараканов всех, на мать жалуйся, плачь, рви фотографии, но приведи себя в порядок. И найди работу.

ВИТЯ. Помнишь, ты в детстве пугала меня, что если буду плохо учиться, то пойду работать санитаром в больницу?

ЛАРИСА. Ты хорошо учился, а что толку.

ВИТЯ. А может, и правда пойти санитаром?

ЛАРИСА. Я не против. Валяй. Ещё грузчиком можно. Вкусная запеканка.

ВИТЯ. Я рад. Первое доброе слово. Немного солнца в холодной воде.

ЛАРИСА. Да ладно, ладно, не надо тут на жалость давить. Я не волк, ты не овечка. Ты у меня вообще неплохой парень. Симпатичный. Густые волосы. Ещё пока. Вот работу найдёшь – начнём тебе на машину копить. Маленькую подержанную. Хочешь машину?

ВИТЯ. Вот если бы папа был жив...

ЛАРИСА. Так, слушай, ну чего ты?

ВИТЯ. Ты, вообще, скучаешь по нему?

ЛАРИСА. У тебя сопли сейчас в запеканку упадут. Ну всё, пойду запишу тебя к психотерапевту.

Лариса уходит.

6.

Илларион работает санитаром в больнице – выносит судна, моет больных. Внезапно в больнице выключают свет, темнота. Илларион у Эйчара.

ИЛЛАРИОН. В общем, они закрыли больницу. Сокращения. В городе тридцать больниц закрыли. Нет денег в бюджете. Хотел сторожем пойти в школу, но там тоже сокращения. Теперь сами учителя сторожат. И полы моют.

ЭЙЧАР. Не надо меня тут негативом грузить. Я тут и так всю жизнь на вас трачу, на лузеров. Позитивнее давайте.

ИЛЛАРИОН. И я снова открыт приключению под названием поиск работы!

ЭЙЧАР. Грузчиком пойдёте?

ИЛЛАРИОН. Грузчиком? У меня слабая спина.

ЭЙЧАР. А что у вас сильное? Мозг слабый, спина слабая, навыки работы в команде слабые.

ИЛЛАРИОН. Почему? В команде я умею работать.

ЭЙЧАР. Да? А кого уволили из Макдональдса уже через три часа?

ИЛЛАРИОН. Просто я картошку фри съел.

ЭЙЧАР. Всю? Не отвечайте, у меня на вранье аллергия. Так, что вам ближе: командная работа или путь фрилансера?

ИЛЛАРИОН. Умею и то, и другое.

ЭЙЧАР. Да? И какие успехи?

ИЛЛАРИОН. Как фрилансер я собирал грибы и продавал их на рынке.

ЭЙЧАР. Ипэ оформили?

ИЛЛАРИОН. Я вне системы.

ЭЙЧАР. Вне системы? Ну тогда всё понятно. Идите-ка, дружок, на опыты. Хорошо платят.

Илларион в ошейнике, стоит на четвереньках. Его кормят какими-то таблетками, обливают водой, бьют током, не дают уйти.

7.

Витя у психотерапевта.

ВИТЯ. Рассказать о себе. Это не очень легко. Я... наверное, я вне системы. Как папа. Папа был журналист, главный редактор одной хорошей газеты. Ходил в кожаном плаще, сигареты Кэмел, волосы до плеч. Такой красавчик, его обожали все. Папа ненавидел государство и всё это говно. Он был свободный, понимаете? По-настоящему свободный человек. Помните, у Довлатова есть персонаж Эрик Буш? Он ещё поднос пнул, и его в штат не взяли после этого, а так бы квартира, все дела. Вот папа из таких. Он не вписывался никуда, только в журналистике был как рыба в воде. Тогда же ещё оставалась свобода слова, можно было власть критиковать, он и критиковал, и репортажи писал крутые, ему и премии журналистские давали часто, слог потому что блестящий, и глубина. Он мог так: да забей ты на эту школу, сын, поехали на природу, смотри, какое солнце, как будто атмосферу сдёрнули. Атмосферу сдёрнули. И я не шёл в школу, а мы ехали в магазин, покупали еду, выпивку, заезжали в редакцию, всех забирали и ехали за город, поближе к реке, шашлык жарить. В редакции всякие люди хорошие работали, дядя Юра на гитаре играл, тётя Лена пела красиво, Сергей Эдуардович истории смешные рассказывал, мы рыбачили. Часто они такое устраивали, и газета хорошая была, как-то справлялись. А мама тогда открыла свой бизнес – языковые курсы – мы не видели её почти, даже на собрания в школу папа ходил. Там он всех очаровал, конечно, и даже на пикники стал брать маму Саши Воробьёва. А наша мама заработала квартиру, сейчас сдаёт её, могла бы меня там поселить, но нет, сдаёт. Большая квартира в центре. Она у меня богатая мама. И одевается всегда дорого, обуви пар сто. А папа любил старые вещи, вот эти ботинки, видите, они все выцвели, все в трещинах, обожаю такое. Их папа ещё носил, они реально с характером. Если бы они могли петь, они бы пели как Том Уэйтс. Мама не понимает такое. (*noём*)

She sends me blue valentines
All the way from Philadelphia

To mark the anniversary
Of someone that I used to be.

Я не такой, как папа, я слабый.

8.

Лариса и Паша лежат голые в постели.

ПАША. Расскажи о себе.

ЛАРИСА. Я ненавижу собачек. Таких мелких тьякалок. Пнуть сразу хочется и гадко, как будто таракана давишь.

ПАША. А больших?

ЛАРИСА. А больших я боюсь. И тоже поэтому ненавижу.

ПАША. Почему ты со мной пошла на концерт?

ЛАРИСА. А с кем?

ПАША. Ну, пошла бы с ровесником.

ЛАРИСА. Я хожу иногда с ровесниками. Они, кстати, прикольные.

ПАША. Прикольные?

ЛАРИСА. Да-да, и шутки понимают. И никогда не спросят: боишься остаться одна?

ПАША. Остаться одна?

ЛАРИСА. Ну, когда ты его бросаешь. Парни постарше никогда не спросят такое. Они вообще не болтают глупости.

ПАША. Так а почему ты со мной?

ЛАРИСА. А с кем? Парни твоего возраста активные, они всё ещё ищут. Они думают, я им что-то про них расскажу.

ПАША. Не расскажешь?

ЛАРИСА. Нет.

ПАША. Я тебя всё время хочу.

ЛАРИСА. Значит, ты бездельник.

ПАША. Ну вот, ты начала рассказывать. Давай ещё про меня.

ЛАРИСА. Ты ещё не проклюнулся, пока такая куколка. Нечего рассказывать.

ПАША. Да ладно, ладно, тоже мне, профессор. Мы не на уроке.

ЛАРИСА. Хороший какой. На самом деле, мужик. Пацана за город отправил.

ПАША. Пацану моему я бы квартиру купил, были бы деньги. Только бы не мешал.

ЛАРИСА. Ты сначала за свою расплатись.

ПАША. Скоро, скоро. Вообще, все удивляются, что я ипотеку взял. Говорят, мол, зачем, у тебя же бабушка, скоро останется квартира тебе в центре. Но я так не могу. Пусть живёт, ей через пять лет сотня.

ЛАРИСА. Так ты завидный жених! Квартира в центре!

ПАША. Так это когда ещё, бабушка бодрая такая. Не, я так не могу, я давно заморочился с этой ипотекой. Вот пацан твой наслаждается жизнью, ни о чём голова не болит. Там речка, кстати, белки. Бассейн есть, спа всякие. Блин, кто бы мне такие выходные устроил. Жалко, что ты работаешь по воскресеньям. Давай ко мне всё-таки на следующие выхи.

ЛАРИСА. Нет, я же тебе сказала, что нет.

ПАША. Но почему, свет моей жизни, огонь моих чресел?

ЛАРИСА. Первая причина – пацан мой будет счастлив. Я как-то с моря приезжаю, а у нас девка ночует.

ПАША. Подруга?

ЛАРИСА. Ну да. Оленька, ходила тут одна, бессмысленная. Он, кстати, отрицает, что она его подруга, просто, говорит, одноклассница.

ПАША. Ну и пусть бы.

ЛАРИСА. Так а потом они детей начнут рожать. Нет уж, не надо. Мама дома, и пусть мальчик обломается. И захочет свою квартиру, а значит – работу и далее по списку. И выпорхнет уже из гнезда, блин.

ПАША. А вторая?

ЛАРИСА. М?

ПАША. Вторая причина.

ЛАРИСА. Вторая – я не хочу привыкать к твоей квартире. Вдруг мы всё прекращаем, а у тебя зубную щётку оставила, дезодорант.

ПАША. Я тогда буду чистить зубы твоей щёткой до конца дней своих, а дезодорантом склею осколки своего разбитого сердца.

ЛАРИСА. Клоун. Лучше расскажи о себе.

ПАША. Я малая часть всего. Болтался в проруби, и мне надоело. Но боюсь так и болтаться там дальше, в офисе с ипотекой. Я никто. Дай мне имя.

ЛАРИСА. Пусть тебя зовут... Винс.

ПАША. Винс?

ЛАРИСА. Винс как Винсент Вега из Pulp Fiction. Ну или как Винсент Ван Гог. Или просто зашитая в имени победа.

ПАША. Зашитая в имени победа – это твой сын Витя. Виктор – виктори.

ЛАРИСА. Ну при чём тут он.

ПАША. Ну иди ко мне, буду целовать тебя как Винс.

ЛАРИСА. Почему ты не позвал на концерт ровесницу, Винс?

ПАША. Я всё знаю про них. А про тебя ничего. Расскажи.

ЛАРИСА. Про себя рассказывать трудно. Ну как про себя? Хвалить? Ругать? Тупо как-то. Лучше давай расскажу про шикарного мужчину. Только ты не перебивай. Было мне лет... молодая, в общем. Мы с Витиным папой в общежитии жили, я за любую работу бралась, копили на квартиру. Но была у меня, знаешь, тяга к шикарной жизни и красивым мужчинам. И вот, представляешь, предложили подработать – в Нью-Йорке, в крутом-крутом ресторане. Там было одно мероприятие, и нужны были синхронисты с хорошими манерами, повезло мне. И вот я в команде организаторов, в лучшем городе мира, в лучшем ресторане. Ужин, гости едят, пьют. Я перевожу, всё хорошо. И тут у одной тётеньки срывает крышу. Вдруг она вознегодовала. Приехала из Калуги, и что-то с ней здесь случилось. «Это мясо?! - кричит официанту. – Да это подмётка, есть невозможно, вы вообще умеете тут готовить? Вас вообще где учили? Кошмар! У нас, в нашей стране, мы не едим подмётки! Это вино?! Это уксус, а не вино, вы думаете, мы – русские – можем пить уксус? Вы думаете, мы, русские, ничего не понимаем и можно нам подсунуть пойло? Сколько стоит бутылка этой кислятины? Коробка за доллар? Кошмар!»

Приходит управляющий. Шикарный мужчина. Всё в нём прекрасно: имя, рост, парфюм, улыбка, костюм, стрижка, взгляд, форма ногтей, обувь. И она орёт на него: «Вы хамы! Вы быдло! Разве это обслуживание?! Вы кормите нас как свиней! Вы нас ненавидите!» И всё время в бок меня тычет чем-то остреньким – мол, переводи. Я перевожу, но не всё, конечно, и смягчаю. Мне стыдно. Я, прямо, сгораю от стыда, и как-то плечиком, взглядом, бровями приношу ему извинения свои. А тётенька не унимается. Она видит, что я не на её стороне, и

это её бесит. «Что ты им лыбишься?! – орёт она теперь и на меня, - Не надо перед ними прогибаться! Ты русская! Мы гости! Ты давай защищай мои интересы, это пока ещё твоя работа!» Вдруг этот шикарный мужчина, управляющий, широко улыбается мне. Не ей, мне. Смотрит мне в глаза, улыбается, и для него эта тётка умирает, её нет. Излучает мне любовь. Да, как солнце излучает. А я впитываю. Осанка, знаешь, у меня меняется постепенно. И говорит: «Мадам, могу я предложить вам бокал нашего лучшего шампанского?» Тётенька фыркает, испепеляет меня взглядом и молча уходит. Почему-то она затыкается и уходит. «Позвольте проводить вас к бару» - говорит он, и, придерживая меня за локоток, ведёт. И я иду. И с каждым шагом я меняюсь. С каждым шагом я не униженное существо, а красивая женщина. К бару я подошла как Монро в зените славы. Он проделал это за пару минут.

9.

Илларион, Эйчар и Друг сидят на скамейке в парке, едят мороженое.

ЭЙЧАР. Ну что, знакомьтесь, парни.

ИЛЛАРИОН. Илларион.

ДРУГ. Друг.

ИЛЛАРИОН. А имя?

ДРУГ. Зачем тебе? Только она знает.

ИЛЛАРИОН. А, ну ладно.

ЭЙЧАР. В общем, так, он поможет тебе найти работу.

ИЛЛАРИОН. Кто кому?

ДРУГ. Я работаю.

ЭЙЧАР (*Другу*). Поговори с ним по-мужски. (*Друг вынимает из своих брюк ремень.*) Нет, сразу так не надо. (*Друг вставляет ремень обратно.*)

ИЛЛАРИОН. Ужас-то какой.

ДРУГ. Значит так, работать надо.

ИЛЛАРИОН. Надо – так надо.

ДРУГ. Ты согласен?

ИЛЛАРИОН. Согласен.

ДРУГ. Всё, мы поговорили по-мужски.

ЭЙЧАР. Ну вот и чудненько. Давайте ещё по мороженому.

Достают ещё мороженое и едят.

Как-то вы не общаетесь. Вы общайтесь, общайтесь. Мечта у меня - окружить себя компетентными людьми и получать от общения, мать его, удовольствие. А то одни уроды вокруг.

ИЛЛАРИОН. О чём общаться?

ДРУГ. Надо придумать точку пересечения общих интересов.

ЭЙЧАР. Надо, да.

ИЛЛАРИОН. А вот кем ты работаешь?

ДРУГ. Продаю кое-что, в офисе.

ЭЙЧАР. Он классный продавец. Очень крутой, успешный. Молодец, вообще.

ИЛЛАРИОН. Я вот понял кое-что в жизни. Вокруг много херни. Вот почти всё вокруг - херня. Но самое главное - всю херню купят. Вся эта херня кому-то очень нужна. Понимаешь?

ДРУГ. Понимаю. А вот расскажи, чем ты занимаешься.

ЭЙЧАР. Он в носу ковыряет целый день.

ИЛЛАРИОН. Неправда, я изучаю мир. Я видел столько! Как питон отпрыгнул жеребёнка, как собака прикинулась мёртвой, как ящерица ловила мыльные пузыри. Как купался слонёнок.

ДРУГ. Ты, что ли, ютьюб целый день смотришь?

ИЛЛАРИОН. А что ещё можно смотреть?

ДРУГ. Н-да.

ЭЙЧАР. Неудачник. Родился зря.

ИЛЛАРИОН. У меня было восемь попыток суицида, я даже подумал, что следую мейнстриму. Но увы, это ни к чему не привело.

ДРУГ. И даже тут ничего не получилось, н-да.

ЭЙЧАР. Какая славная светская беседа.

ИЛЛАРИОН. Ну хорошо, давайте говорить о погоде.

ДРУГ. Давай. Что-то же должно быть у нас общее.

ЭЙЧАР. Разве что погода.

ИЛЛАРИОН. Она вопиющая.

ДРУГ. Да? Просто немного пасмурно.

ЭЙЧАР. Не получилось.

ИЛЛАРИОН. Не вижу смысла раскрывать своё сердце перед случайными людьми.

ДРУГ. Я не случайный. Я надолго.

ИЛЛАРИОН. Надолго. Тогда знай, что когда мне было восемь лет, у меня умерла крыса. И что сказала мама?

ЭЙЧАР. Слава богу, хорошо, что сдохла, больше не заводил.

ИЛЛАРИОН. Сочувствие? Нет, не слышали.

ДРУГ. И ты не можешь это простить?

Илларион надевает рожок с мороженым на голову Эйчару и уходит.

10.

Паша и Витя едят на кухне в квартире Ларисы.

ПАША. Вкусный гуляш.

ВИТЯ. Это фрикасе.

ПАША. Как?

ВИТЯ. Рагу из белого мяса в белом соусе. Я белого вина ещё добавил.

ПАША. Вкусно, да. Ты хорошо готовишь.

ВИТЯ. Ага.

ПАША. Не, правда, ты круто готовишь.

ВИТЯ. Спасибо. Польщён, польщён.

ПАША. Расскажи что-нибудь. Какую музыку слушаешь? Так-то мы и не говорили толком, всё прячешься.

ВИТЯ. Я норм.

ПАША. Ты не рад, что я, ну, что встречаюсь с твоей мамой? Какие мысли вообще?

ВИТЯ. А хороший был дом отдыха, мне понравилось. Бассейн, теннисный корт. Неплохая еда. Только выпечка банальная. Кондитер там дешёвый у них.

ПАША. Больше нет у меня денег, чтобы тебя туда отправлять.

ВИТЯ. Нет денег? А что так?

ПАША. С работы уволили.

ВИТЯ. Мать знает?

ПАША. Нет. И не надо, зачем, я новую найду быстро.

ВИТЯ. Ну норм.

ПАША. Так ты не рад?

ВИТЯ. Не рад? А, ты про это.

ПАША. Да, я про это.

ВИТЯ. У неё нет матки, ты в курсе?

ПАША. Что?

ВИТЯ. Нет. Матки.

ПАША. В смысле?

ВИТЯ. Вырезали. Что-то там типа киста. Короче, вырезали.

ПАША. Ужас какой.

ВИТЯ. Да. Она не рассказывает, потому что, ну кому надо? Все же разбегутся мужики. Так что она скрывает. Это между нами, конечно.

ПАША. А вот скажи: грудь у неё настоящая?

ВИТЯ. Настоящая, вроде.

ПАША. А то я трогаю, а она такая упругая, как силикон.

ВИТЯ. Конечно, она меня не кормила грудью, как все нормальные матери. Я на смесях рос. Так что грудь сохранила.

ПАША. Бедный малыш.

ВИТЯ. Не веришь? Ну не верь. Я могу справки показать, выписки. Нет матки.

ПАША. Нет матки. То-то я чувствую себя Юрием Гагариным, который в открытый космос выходит.

ВИТЯ. Что?

ПАША. Я выхожу в открытый космос, и космический ветер обвеивает меня, мой член, и такой простор, никаких границ. Только я и бесконечность. *(поёт)* Мы – дети галактики, и самое важное, мы – дети твои, дорогая земля!

ВИТЯ. Ну-ну.

ПАША. Как это прекрасно, когда путь не приводит никуда. Это как будто трахаеть вселенную.

ВИТЯ. Ты хоть знаешь, сколько у неё любовников? Мне реально надоело – шарахаются по дому всякие. Мать говорит, деньги пропали у неё из сумки, так ты прячь, говорю, от мужиков своих. И, главное, не понимаю, ну как, почему, уже пожилая женщин ведь, пятьдесят лет. Нимфоманка, наверное. Это лечится?

ПАША. Тяжело тебе.

ВИТЯ. Да, не сахар.

ПАША. Тяжело, когда живёшь с крутой тёлкой, а трахнуть её не можешь. Потому что она тебя родила. Понимаю.

ВИТЯ. Ну-ну. Смотри, я предупредил. Решай.

ПАША. Спасибо, бро. Ты-то сам как? Женщина когда последний раз была?

ВИТЯ. Не твоё дело.

ПАША. Ну что ты так резко, может, я женюсь на ней и стану твоим отчимом. Ты имей уважение.

Витя хочет уйти, но Паша хватает его за руку.

ВИТЯ. Отпусти.

ПАША. А может, ты гей?

ВИТЯ. Отвали.

ПАША. Не, а что такого? Могу познакомить.

ВИТЯ. Отвали!

ПАША. Ну что ты тут живешь как отшельник? Возле этого всего секса. *(имитирует сексуальные стоны)* Ты же молодой парень. У тебя гормоны играют. Играют?

ВИТЯ. Я сказал, отвали!

ПАША. А что это ручки у нас такие слабые, как у девочки? Что мы такие взволнованные и слёзки вот-вот покатятся! Ты давай дерись! Дерись!

ВИТЯ. Отвали, вонючий кобель!

ПАША. Кобель? Вонючий? Дрочишь на мужиков?

Вите удаётся вырваться, он убегает в свою комнату. Паша, как ни в чём не бывало, продолжает есть.

11.

Илларион запряжён как бык, он пашет землю, за ним идёт толпа людей, мужчины и женщины, хлещут его плётками, кричат на него, слышно фразы «Как тебе не стыдно», «Стыдно! Стыдно!», «Бессовестный! Бесстыжий!», и снова: «Как тебе не стыдно», «Стыдно! Стыдно!», «Бессовестный! Бесстыжий!» Пот и кровь стекают по лицу Иллариона.

Илларион у Эйчара. Она раздевается догола. Он убегает.

Илларион на плоту посреди моря, совсем один. Он смотрит на солнце и мастурбирует. Солнце похоже на лицо Паши.

12.

Лариса и Паша ходят по магазину Икеа.

ЛАРИСА. Неплохой коврик, как тебе?

ПАША. Цвет не очень.

ЛАРИСА. Мне подходит. Или лучше этот?

ПАША. Как его пылесосить?

ЛАРИСА. И не надо его пылесосить. Годик полежит – и выбросить.

ПАША. Выбросить коврик? Зачем тогда покупать?

ЛАРИСА. Зачем то, что долго? Глаза мозолить. Лучше свежий.

ПАША. Лучше качественное, на подольше. У меня у родителей стол, который ещё прадед сделал. Дуб, за ним мои внуки будут чай пить, да-да.

ЛАРИСА. Ой, ну будут ли они, внуки, тут ничего не знаешь. Катя умерла.

ПАША. Катя? Какая Катя?

ЛАРИСА. Одноклассница моя, подруга. И внуков нет у неё, так что кому столик?

ПАША. Всякое бывает.

ЛАРИСА. А до этого у Кати случилась любовь, с каким-то альфонсом. Все нервы и деньги на него потратила.

ПАША. Не понимаю такого.

ЛАРИСА. Ну, зато год пожила бурно. А то скучно ей было. Ну а когда он её обчистил, сразу такой адреналин, она помолодела даже.

ПАША. А умерла от чего?

ЛАРИСА. На мотоцикле разбилась, с ним. Он тоже погиб. А этот коврик как тебе?

ПАША. Ничего. Цвет мрачноват.

ЛАРИСА. Надо брать.

ПАША. Ну-у-у, не бери. А то у меня сразу настроение будет портиться. Увижу – и заплачу.

ЛАРИСА. А при чём тут ты?

ПАША. При чём тут я? Действительно, при чём тут я.

ЛАРИСА. Я хотела сказать тебе, у меня сейчас будет туго со временем, так что надо нам пореже встречаться.

ПАША. Я не могу.

ЛАРИСА. Что не можешь?

ПАША. Не могу пореже встречаться.

ЛАРИСА. Как интересно. Почему?

ПАША. Потому что не могу. Выходи за меня замуж.

ЛАРИСА. Опа.

ПАША. Да?

ЛАРИСА. Да?

ПАША. А почему нет?

ЛАРИСА. Нет.

ПАША. Почему?

ЛАРИСА. Что там с твоей работой?

ПАША. Всё нормально будет. Витя рассказал?

ЛАРИСА. Рассказал. И что?

ПАША. Всё хорошо, ищу. При чём тут работа?

ЛАРИСА. А в чём проблема?

ПАША. А что, есть проблема? Просто новая работа, она будет. Куда попало не хочу.

ЛАРИСА. Ясно.

ПАША. Ясно? Тебе ясно? И что тебе ясно?

ЛАРИСА. Смотри, скидка на постельное.

ПАША. Я не буду спать на таком.

ЛАРИСА. Ты и не будешь.

ПАША. Да? А кто будет?

ЛАРИСА. С тобой неплохо в постели, не переживай.

ПАША. Неплохо? Ну выдохнул.

ЛАРИСА. Ну чего ты?

ПАША. Ты любишь меня?

ЛАРИСА. Чем ты занят? Не понимаю, какие цели у тебя.

ПАША. Всё нормально у меня с целями. Найду работу, чтобы денег побольше, буду ходить, ходить, каждое утро, ипотека почти закрыта, так что закрою и пойду учиться на режиссёра.

ЛАРИСА. На режиссёра? Как интересно.

ПАША. Мне очень важно.

ЛАРИСА. Да, конечно, интересно. Можно на вокал пойти, на танцы, научиться живописи, холотропному дыханию.

ПАША. Можно пробежать марафон. Побежишь со мной? В этом есть смысл. И в тебе.

ЛАРИСА. И во мне?

ПАША. И в тебе.

ЛАРИСА. Не хочу бегать марафон.
 ПАША. А за меня болеть будешь?
 ЛАРИСА. Не хочу ни за кого болеть. Я эгоистка. Мне похер.
 ПАША. Ты любишь меня?
 ЛАРИСА. Начни уже сейчас учиться, хоть отвлечёшься.
 ПАША. От чего отвлекусь?
 ЛАРИСА. Или нет, давай так: давай съездим в отпуск.
 ПАША. В отпуск?
 ЛАРИСА. На месяц. На Мальдивы.
 ПАША. Ого, целый месяц.
 ЛАРИСА. Ну что? Поехали?
 ПАША. Ну поехали.
 ЛАРИСА. А деньги у тебя есть?
 ПАША. Деньги? Найду.
 ЛАРИСА. Где? Займёшь?
 ПАША. Ну, займу.
 ЛАРИСА. Давай машину твою продадим.
 ПАША. Зачем?
 ЛАРИСА. Деньги будут, у тебя же дорогая тачка.
 ПАША. Ну, не знаю даже.
 ЛАРИСА. У меня есть покупательница. Она видела твою тачку.
 ПАША. Ну, не знаю, если ты считаешь, что надо...
 ЛАРИСА. Или нет, давай лучше так: тачку эту ты мне подаришь. И деньги займёшь где-нибудь, и мы поедem на месяц. На Мальдивы. Или на Камчатку можно. Короче, туда, где подороже.
 ПАША. Я не понимаю, Ло.
 ЛАРИСА. Паша, ты дебил.
 ПАША. Что ты хочешь?
 ЛАРИСА. Чтобы ты делом занялся.

Лариса уходит.

13.

Лариса у психотерапевта.

ЛАРИСА. Этот страх, он всегда со мной. Раньше не было. Раньше такая тоска была какая-то, скука. А потом моя подружка замуж вышла, за столичного и богатого. И на свадьбу меня позвала. И я полетела в Москву, они мне даже билет купили на самолёт. А бедность страшная была. Я студентка, живу в общежитии, еле-еле наскребла на ботинки с толстым мехом, большие такие, говноступы. Холодно, зима, мороз градусов сорок. Пальто у меня старое, материнское, с подкладом толстым, капюшоном. И вот, мне в Москву лететь. Больше и нет ничего, только валенки. Ну что, беру платье своё единственное приличное, трикотаж шерстяной, толстое такое, на морозы, беру одно нарядное у подруги, из синтетики с люрексом. И лечу. А в самолёте другая жизнь совсем. Я-то нигде не была: библиотека, институт, библиотека, институт, все кругом бедные. А в самолёте богатые летали. Они совсем по-другому выглядели: хорошая обувь лёгкая, одежда качественная такая, и тоже как весной, ничего на мороз. А в самолёте нам налили вина. И я выпила, и так хорошо мне стало, как в

раю. Хотелось, чтобы никогда не приземлялись мы, а только бы летели и летели, хотя бы неделю. Дальше, в Москве, всё хорошо начало складываться. Только мне было всё время жарко. А на свадьбе стал ухаживать мужчина один, москвич. На свидание позвал, пиццу есть. Я никогда раньше пиццу не ела, раньше не было её, тем более у нас на севере. А он не фейс-ту-фейс, а в компанию позвал, а они такие все другие, все одеты так красиво, а я сижу в своих ботинках этих, потею, жарко невозможно, платье толстенное, а на улице всё тает, плюсовая температура. Они все старше меня, все работают, хорошо получают. Говорят о том, кто где отдыхал, кто куда ездил. А я студентка, нищая, откуда-то с севера приехала, сижу и молчу как дикарь. Волосы у меня выжжены перекисью, а девицы на меня смотрят так иронично, как на мамонта. Потом мужчина меня к себе повёз. Я, конечно, согласилась, потому что, ну что, человек пиццу мне купил. Пригрел деревню. А я тогда совсем ещё невинная была, не было никого. И он почему-то разозлился на это. Не получалось у него, и он разозлился, говорит, ну уходи давай, презерватив бросил. И я пошла. Ночь, куда идти, не знаю, а денег нет совсем, только на метро. Но метро закрыто. И тогда я поняла: надо научиться зарабатывать.

14.

Витя в кафе пьёт чай. Подходит Паша, садится за столик.

ВИТЯ. О, ты пришёл!

ПАША. Ну что там у тебя?

ВИТЯ. Да, траблы. Проблемы.

ПАША (*подошедшей официантке*). Один ланч. (*Вите*) Плохое начало разговора. Никогда не начинай со слова «проблема». Особенно, когда тебе что-то нужно. Тебе же нужно что-то?

ВИТЯ. Она совсем с ума сошла.

ПАША. Да? Что с ней?

ВИТЯ. Она реально съехала.

ПАША. Да и ты выглядишь не очень. Что с ней?

ВИТЯ. За интернет не платит теперь. За телефон мой не платит. Неделю продукты не покупает.

ПАША. Голодает?

ВИТЯ. Не знаю, наверное, где-то ест, но не дома. Холодильник реально пустой. И вообще, приходит поздно.

ПАША. Пьяная?

ВИТЯ. Трезвая, вроде.

ПАША. Мужиков водит?

ВИТЯ. Нет, приходит и спать ложится.

ПАША. Звоню, пишу. Бесполезно. Не хочет говорить.

ВИТЯ. У неё какая-то проблема с головой. Я же к психотерапевту хожу. Так смешно: еды нет, а к терапевту хожу, она оплатила вперёд. Короче, хожу, и там мы многое проясняем. Представь, мы выяснили, что у нас в роду все матери злые.

ПАША (*ест свой ланч*). Как это?

ВИТЯ. В принципе, в этом проблема моя. У нас у всех по женской линии злые матери. У папы – злая мать, она вообще жёсткая женщина была, никогда не улыбалась, не готовила, не гладила, вечно где-то пропадала на работе, а папа

маленький один у окна сидел. Даже когда в садик ходил и болел, она не сидела с ним, он один дома целый день, на сухомятке, у окна, в темноте – до выключателя не доставал. А мать его матери, бабушка, тоже, в принципе, злая была, равнодушная. Она когда молодая была, её родители под инвалида подложили.

ПАША. В смысле?

ВИТЯ. Война как раз, вторая мировая, и мужики кончились, а один был, его на войну не взяли, горбатый, ему машину дали, единственный студебеккер, на всю большую деревню единственный, начальство возить. Он возил, и после работы возил: кому муку, кому что – всегда поручения были, и раплачивались с ним хорошо, так что он самый богатый в деревне стал. Ну и родители её, моей прабабки, и захотели к рукам прибрать зажиточного, и дочь свою, шестнадцатилетнюю, под него подложили. Поили его, поили, и ночевать оставляли. Ну что, забеременела она. Но он жениться отказался, его в другом доме поить начали, там тоже дочь. Ну а она что, родила. Родила и ребенка на мороз вынесла, нарочно, он умер. Тогда уж она снова свободная стала.

ПАША. Жесть.

ВИТЯ. Злая. И с маминой стороны тоже были оторвы ещё те, в принципе. Одна с цыганом спуталась, он убежал, она родила девочку, не любила её совсем, в принципе, та стала подростком, давай пить, воровать, мать пошла на неё в милицию доносить, посадили в колонию. Вышла, больше не воровала, больше с матерью не общалась, вышла замуж, мою маму родила. Понимаешь, они бы, может, хотели бы заботиться, но не умеют, их самих матери не любили. Так и моя, она бы, может, рада, но не может. Холодная как снежная королева. Всегда в своём мире. Я всегда один. И мне не хватает любви, вообще, в принципе. Энергии не хватает. Мне нужен источник, из которого я бы получал её, любовь. Чтобы эйфория... И бабочки в животе, вот это вот всё. И не надо ни есть, ни пить, и жарко – потому что тебя любят. И ты любишь. Это жизнь. А меня отрезали от сети. И это всё идёт от матери. Все корни в детстве. Она не любит меня, она не воспитывала меня как принца. И я зачах. Нет сил совсем. Я даже зубы чистить перестал. Потому что – ну зачем?

ПАША. Ты курил?

ВИТЯ. В принципе, да.

ПАША. А денег где взял?

ВИТЯ. Туфли её на авито продал.

ПАША. Красавчик. Так ты что от меня-то хочешь?

ВИТЯ. Я сейчас не могу совсем сил в себе найти, чтобы работать. Ну, там, в офис устроится, например, или продавцом. Реально. Я и на улицу-то смог выйти, потому что покурил. А так у меня давление двести, панические атаки эти все... Терапевт говорит, надо отлежаться, жить спокойной жизнью, набираться сил по капле. Я даже мульт свой не могу делать, представь. Отрубил всё, нет сил вообще. Даже на творчество. Терапевт говорит: вскрылись раны, поэтому. Я же тебе не говорил, папа когда умер, у меня вообще депрессия была.

ПАША. Слушай, я всё понимаю, но что тебе от меня надо? Ну хочешь, накормлю тебя?

ВИТЯ. Хочу.

Паша делает знак официантке, она приносит ланч и Вите. Витя ест.

ПАША. Как она выглядит? Расскажи про неё.

ВИТЯ. Ну похудела. Волосы не укладывает, как лохушка. Без маникюра.

ПАША. А про меня? Про меня говорит что-то?

ВИТЯ. Ой, я разговариваю с ней что ли? Она приходит поздно, в душ и спать. Ей пофиг: есть я, нет меня, в принципе. Кончились чистящие средства, ей пофиг. Чем там сын единственный питается – пофиг. Я всё равно мою, убираю, но сил нет. И зачем? Она вообще не замечает ничего, в принципе.

ПАША. Так ты чего хотел от меня-то? А то мне на работу пора.

ВИТЯ. Так ты работаешь, да?

ПАША. Ну как видишь.

ВИТЯ. Ты удивился, когда прочитал письмо?

ПАША. Ну да, не узнал сначала, пишет какой-то странный парень в фб, нашёл же меня.

ВИТЯ. Я искал. Займи немного денег. Мне только пару месяцев продержаться. А дальше лучше станет. Работу найду – отдам.

ПАША. Ха! Парень, ну ты, конечно, мог бы что-то поинтереснее придумать.

ВИТЯ. Мне много не надо. Только на еду и интернет. Я отдам.

ПАША. Так а какие проблемы – ты же можешь дальше её туфли продавать, у неё много.

ВИТЯ. Спасибо, что ты обо мне так думаешь. Они были немодные, старые. И это была крайняя мера. Я же не наркоман какой.

ПАША. Ну ладно, ладно. Так и какой твой план?

ВИТЯ. Мы с терапевтом считаем, что крупная проза.

ПАША. В смысле?

ВИТЯ. Этим мне надо заниматься. Крупной прозой. Не анимацией. А прозой. Роман написать.

ПАША. Нет, я про другое. Вот, дам я тебе денег, и что? Вернёшься к ней?

ВИТЯ. Ну а куда мне идти?

ПАША. А давай так сделаем: я тебе денег не дам. Но буду кормить. Интернет тоже будет. Переселишься ко мне на месяц?

ВИТЯ. Как это?

ПАША. Так. Но это будет твоя работа: убираться, готовить завтраки-ужины мне, окна мыть. У тебя же хорошо получается. Крупную прозу свою писать. Но только месяц. Согласен?

ВИТЯ. В принципе, можно.

ПАША. Гладить ещё. Офисные сорочки мои.

ВИТЯ. Я хорошо глажу.

ПАША (*передаёт деньги и визитку*). Ну всё, приезжай, вот тебе двести рублей, кинь себе на телефон, позвонишь вечером, я тебе адрес скажу.

ВИТЯ. Спасибо, Паша.

ПАША. Всегда лучше дать человеку не рыбу, а удочку, да?

ВИТЯ. Я люблю заботиться.

ПАША. Маме привет.

Паша уходит.

15.

Витя у психотерапевта.

ВИТЯ. Что касается романа, то как-то мучительно идёт. Вот, я вам зачитаю. Основа автобиографическая. «Зеркало лучше мыть как стекло: специальным скребком с резиновой пластиной, но не китайским, а немецким. Можно просто водой, можно, в принципе, аэрозолем с нашатырём, правда, воняет, но недолго. Стаканчик из-под зубных щёток нужно тщательно промыть, протереть, он тоже стеклянный. Щётки много, разной степени жёсткости, и нитей несколько видов – он маньяк. Паст штук восемь: просто Колгейт, Сенсодин для чувствительных зубов, Сенсодин мгновенный эффект, Президент отбеливающая, Президент для дёсен, Орал-би для дёсен, Таёжный бальзам для всей семьи, Пародонтакс без фтора. Жидкость для полоскания: пять видов (красная, две зелёные, голубая, прозрачная). Ирригатор, хорошая вещь, не знал даже про такую. Это только зубы. А ещё есть волосы: шампуни, бальзамы, пенки, гели – целая полка. Кремы: для лица три тюбика (все профессиональные, ни в магазине, ни в аптеке не купишь), для тела два тюбика молочка и одно жирное масло – он им пятки мажет. Тут же носки белые короткие – намажет и носки надевает. Их надо потом отбеливать двумя средствами, чтобы белоснежные, серые не любит. Шторку он часто меняет, в принципе, не любит, когда темнеет от воды. Стыжки между ванной и стеной нужно брызгать специальной жидкостью от грибка, потому что влажность заводится. Полотенце для рук и лица менять каждые два дня, он любит свежие. Полотенца у него только Бельпостель, пушистые, не какая-нибудь Икеа, и в тон коврику в ванной и шторке – строго. В принципе, он маньяк чистоты. Так что пол я мою каждый день, сначала пылесосом всё собираю, а потом мою: одной насадкой, махровой, потом вторую надеваю – из микрофибры. А он ходит после и улыбается, потому что чувствует кожей, как чисто. Я постельное бельё стираю когда, то на балконе сушу, чтобы на чистом воздухе, на морозе, чтобы свежестью пахло, а в шкаф кладу с мылом Дав – тогда совсем благоухает. И вообще в шкафу порядок навёл идеальный: майки все аккуратными стопками, носки клубочками, трусы конвертиками. Ему нравится. Он чувствует, что, конечно, тепло идёт. Любовь – она ведь не слова, а дела. Он всё понимает. У него ресницы вздрагивают от удовольствия, а ресницы такие красивые, длинные, загнутые. И грудь очень красивая: выпуклая, волосатая. Он же, чтобы мать забыть, в тренажёрный зал записался и на бокс, и отвлёкся, конечно. Спина широкая, а талия узкая. И, что мне больше всего нравится в людях, руки, предплечья – сильные такие. Вот это всё место от кисти до локтя – мышечное такое, мужское-мужское, жилы. Если долго смотреть, будет эрекция, я проверял. Конечно, ему нужен кто-то блестящий. С хорошими зубами, с фигурой. И стрижка модная чтоб. И карьера. Машина. Кто-то совсем другой, не я. А я что, просто функция для него. Одноразовый носовой платок, в который он высморкался и выбросил. И забыл, как звали. И как мне жить дальше?» Дальше не получается у меня, не идёт сюжет. Может, убить главного героя? Пусть он убьёт себя.

16.

Сон Паши. Он входит к Ларисе, она сразу обнимает его на пороге, он сразу начинает её целовать, он очень соскучился, хочет снять с неё майку, но она уворачивается, зовёт его на кухню, там накрыт стол, настряпаны пироги, кругом всё сияет чистотой. Лариса садится напротив за стол.

ПАША. Я так соскучился по тебе. Обними меня.

ЛАРИСА. Я тоже соскучилась. Вот, пирогов напекла, с начинкой разной.

ПАША. Да что мне твои пироги, иди ко мне.

ЛАРИСА. Расскажи про успехи. Ты такой умный у меня, такой красивый.

ПАША. Правда? Ты правда так считаешь? Я у тебя?

ЛАРИСА. Конечно, правда, все так считают, и соседки говорят мне: такой у тебя сынок чудесный, всем бы такого: и работа у него, и сам красавчик, и вежливый.

ПАША. Ло, что ты такое говоришь, какой сыночек?

ЛАРИСА. Ну как какой? Такой. Мой. Мой сын.

ПАША. Витя, Витя же твой сын, не я. Я Паша.

ЛАРИСА. Ты мой сын, Паша мой, сынок. Я когда тебя родила, все вокруг обрадовались, говорят, мол, надо же какой красивый ребёнок, и реснички у него загнутые, и носик ровный.

ПАША. Ну что ты такое говоришь, Ло? Ну как ты меня рожала?

ЛАРИСА. Так, как все, родила. Порвалась вся, зашивали меня. Ты мальчик крупный был. Сразу улыбаться начал. Солнышко. Под лампу тебя положили – ты греешься, хорошо тебе.

ПАША. Ло, прекрати, ты что? Хватит, может?

ЛАРИСА. Сынок, я хочу подарить тебе нашу квартиру, ту, что в центре. Живи там. Она твоя.

ПАША. Ло, ну что ты такое говоришь, какая квартира? При чём тут я?

ЛАРИСА. Ты мой сын, и ты имеешь право там жить. Живи. Женишься, дети родятся. Квартира большая, хоть пять детей рожайте.

ПАША. Ну перестань, Ло.

ЛАРИСА. Ты ешь, ешь.

ПАША. Я хочу жениться на тебе.

ЛАРИСА. Ешь, ешь. Сначала поешь – потом поговорим.

Паша берёт с блюда пирожок, откусывает, но пирожок абсолютно полый, только тонкое тесто. Он берёт другой – то же самое. Паша рвёт пирожки – они все пустые. Паша встаёт, подходит к Ларисе, преодолевая её сопротивление, занимается с ней сексом.

ПАША. Я люблю тебя. Выходи за меня замуж.

ЛАРИСА. Я злая, очень злая. Я матку себе отрезала, чтобы детей не иметь. Я убивала своих детей.

ПАША. Нет, молчи, молчи, глупости какие говоришь. Я люблю тебя.

ЛАРИСА. Больше ни с кем у тебя не встанет, только со мной. Всё, теперь только со мной.

ПАША. Только с тобой, я согласен, только с тобой теперь.

ЛАРИСА. Без меня засохнешь, слабым станешь, мелким стариком без запаха. Никто не порадует тебя.

ПАША. Никто, только ты, только ты.

ЛАРИСА. Я пустая внутри, совсем пустая.

ПАША. Я тебя наполню, тебе станет хорошо. Хорошо тебе?

ЛАРИСА. Мне хорошо.

ПАША. Хорошо тебе?

ЛАРИСА. Мне хорошо.

ПАША. Хорошо тебе?

ЛАРИСА. Мне хорошо.

ПАША. Хорошо тебе?

ЛАРИСА. Мне хорошо.

ПАША. Хорошо тебе?

ЛАРИСА. Мне хорошо.

ПАША. Хорошо тебе? Хорошо тебе? Тебе хорошо со мной?

17.

Сон Ларисы. Она лежит голая на кровати и кормит грудью взрослого Витю и взрослого Пашу. Паша не просто питается, а гладит её грудь, он возбужден, Лариса отпихивает его. В углу, в детской кроватке, заплакал младенец – Лариса подходит к нему, берёт на руки и убаюкивает. Паша и Витя зовут её, но она с младенцем на руках убегает из комнаты, заперев дверь.

18.

Лариса и Паша в квартире Ларисы, пьют чай.

ПАША. Бабушка умерла же два месяца назад. Девяносто пять ей было.

ЛАРИСА. Я не знала, ужас.

ПАША. Мама тяжело пережила. Недавно выписали из больницы, навещаю теперь. Представляешь, она извиняется всё время. «Пашенька, ну прости, кто знал, что тебе такая мать больная достанется». Говорю, мам, ну какие глупости, а она снова. Они с папой жили для меня. Они специально поближе к школе переехали, а школа же была крутая, так они разменяли квартиру на меньшую, только бы близко к школе. Репетитор по английскому у меня всегда был, даже если денег совсем ничего. На выходных в походы водили по лесам, чтобы «мальчик дышал» или в театр детский. Мне казалось, это так естественно, что они для меня. Не я для них, а они для меня. Я маме: купи мне куртку как у Митьки, и мама занимает денег и эту куртку где-то покупает дороговую. А Митька приходит в другой, и мама тогда покупает другую мне. Лишь бы дитя было довольным, лишь бы радовалось. Мама заново алгебру изучила, чтобы мне помогать уроки делать, папа физику. Денег не хватало, чтобы все на море поехали, так они лето в городе проводили, на даче, но меня в Артек отправляли. Папа доктор, мама медсестра, казалось бы, ну какие доходы? Они подрабатывали, какие-то спортзалы мыли. На осенних каникулах я у бабушки с дедушкой жил, мне так нравилось. Дед художник, мы вместе картины писали. Раз я наляпал сверху маслом ему, испортил картину, так он не ругал, побледнел только. Я вообще не мог себе такого представить, чтобы кто-то из семьи на меня голос повысил. Гитару первую купили они мне, копили пенсию. Да ладно гитару, пианино тоже, оказывается, они купили, мама недавно рассказала. Бабушка, представь, носки мне вязала, и по утрам их на батарее грела, чтобы мне приятно было их надевать. Фрукты покупали только мне, только на меня хватало. Я был абсолютно счастлив. Я рос как принц. Это так правильно, когда ты чувствуешь себя принцем в детстве.

ЛАРИСА. У тебя такой голос красивый.

ПАША. Как ты?

ЛАРИСА. Вот, на йогу пошла. Скучно ужасно. Но в этом что-то есть – побыть в скуке.

ПАША. А я на бокс. Приходишь с бокса – пустой-пустой.

ЛАРИСА. У меня в группе такой же любитель Тарантино появился, смотрит с субтитрами, переводит.

ПАША. Симпатичный?

ЛАРИСА. Да, симпатичный.

ПАША. А я иногда захожу в парфюмерный и нюхаю твои духи. Надо, наверное, купить уже их.

ЛАРИСА. А я стала волонтерить.

ПАША. Волонтерить?

ЛАРИСА. Ну так, иногда. Сначала стариков отмывали. Теперь в детские дома ездим.

ПАША. Ты? Неожиданно.

ЛАРИСА. Расскажи про Витю.

ПАША. Витя... Ну, Витя молодец.

ЛАРИСА. Молодец?

ПАША. Месяц пожил, конечно, навёл там порядок у меня идеальный. Но потом говорю: дружок, месяц прошёл, всё. А он не хочет уходить. Какие-то истерики начались. То вдруг сорочки не погладит. То оmlет у него пригорит. Или приготовит просто картошку отварную – это Витя-то!

ЛАРИСА. Да, странно.

ПАША. А ты молчишь. Я же хотел, чтобы ты пришла за Витей.

ЛАРИСА. Зачем?

ПАША. В общем, начал рыдать. Выяснилось, что влюбился.

ЛАРИСА. В кого?

ПАША. В меня. Жалко мне его стало. Ну что за такое? Стал я его тогда на зарядку гонять. А то ну совсем мышц нет, как девочка. Утром проснётся, я ему: турник! С работы прихожу и вместо здарсьте: турник! В общем, загонял парня. Пресс, отжимания, кроссы. Он втянулся. Так ещё один месяц прошёл. Потом я ему работу нашёл.

ЛАРИСА. И он согласился? Я находила ему раз десять – бесполезно.

ПАША. Согласился. В хороший ресторан поваром. Он вообще как-то стал за собой следить, может, чтобы мне понравиться, не знаю. Зубы стал чистить несколько раз в день. В общем, купил я ему нормальную одежду – в кредит – и на работу отправил.

ЛАРИСА. Ну всё, попрощайся с деньгами.

ПАША. Он уже вернул.

ЛАРИСА. Вернул? Витя?

ПАША. Да, вернул. Он стал вкалывать как ненормальный. Его хвалят. Он там такое изобретает. Он даже пошёл к стоматологу. Постригся хорошо. Роман, сказал, напишет о жизни ресторана.

ЛАРИСА. А где он живёт?

ПАША. У меня.

ЛАРИСА. И что? Не истерит?

ПАША. Теперь нет. Мне кажется, он на что-то надеется.

ЛАРИСА. Ну и зачем ты так?

ПАША. Это стимул для него. Пока так. Но уже полгода прошло, и я ему намекаю, чтобы сваливал уже. Можно же снимать жильё.

ЛАРИСА. Мне не звонит.

ПАША. Позвонит.

ЛАРИСА. Ты изменился.

ПАША. Я расплатился за ипотеку. И уволился снова.

ЛАРИСА. Опять?

ПАША. На фрилансе сейчас. И знаешь, мне нравится. Зарегистрировался как ипэ. Нормально, не меньше получается заработать. Пошёл учиться на режиссёра. Странное занятие. Вообще не для денег.

ЛАРИСА. Пусть будут и странные занятия.

ПАША. И это говоришь ты?

ЛАРИСА. Почему ты Витю до сих пор не прогнал?

ПАША. Он похож на тебя.

ЛАРИСА. У меня твоя майка одна лежит, не стиранная. Уже выветрилась за полгода. Нюхаю.

ПАША. Так зачем это всё?

ЛАРИСА. Не знаю, так надо было.

ПАША. Надо было?

ЛАРИСА. Мне показалось, ты повиснешь на мне и я тогда тебя сразу... сразу ты мне надоешь.

ПАША. Тебе показалось.

ЛАРИСА. Музыка не хватает.

ПАША. Тебе музыки не хватает?

ЛАРИСА. А тебе?

ПАША. Я тебе устрою музыку.

ЛАРИСА. Устрой мне, пожалуйста. Хочется как-то уже повеселиться. Перед поездкой.

ПАША. Перед какой поездкой? Куда?

ЛАРИСА. В Израиль. Считаю, это командировка. Скоро вернусь.

ПАША. Я так соскучился по тебе. Хорошо тебе со мной?

ЛАРИСА. Да.

ПАША. Скажи: мне хорошо с тобой.

ЛАРИСА. Мне хорошо с тобой.

ПАША. Ещё.

ЛАРИСА. Мне хорошо.

ПАША. Ещё.

ЛАРИСА. Хорошо с тобой.

ПАША. Ещё.

ЛАРИСА. Я люблю тебя.

19.

Лариса у психотерапевта.

ЛАРИСА. Сначала операция по восстановлению носовых ходов. Он дышать сам не может через нос. Потом трахеостомия. У него же дырка в горле, это смертельно опасно, надо её убрать. Потом будут учить его есть через рот. У него и зубы начали расти. Потом снова операция – уберут гастростому. Трубка у него торчит, его так кормили, раз он не может через рот питаться. Доктор сказала, что это ошибка, ну, что он в хоспис попал. Всего-навсего аномалия развития лицевого скелета, вот и всё. То есть, Федя обычный ребёнок с аномалиями развития лицевого скелета. Интеллект сохранный. Но он же всё время привязанный был, они боялись, что он трубку из горла вытянет и задохнётся. Маленький, год всего. И они думали, он debil, а он просто начал отставать в развитии, потому что круглосуточно связанный лежит, никто не

разговаривает с ним, не улыбается. Мать, конечно, отказалась при рождении. Как он дожил до года в таких условиях, непонятно. Болеет постоянно из-за этой дыры в горле. Но когда всё уберут, то всё будет нормально, реабилитацию пройти и нормально. Главное, он дожил до года, сильный парень. Есть такой же крутой парень с этим же синдромом Тричера-Коллинза, ему тридцать, в Йоркшире, кажется, живёт. Он путешествует по миру, книжки пишет. А мой-то уже умеет стоять в манеже! Да! За бортики держится и стоит. Сам! Я сначала просто трогала его, гладила. Он не понимал, что это, замирал весь, дыхание задерживал. А я всё глажу, глажу. Мягко так, теплыми руками. Он терпел, прислушивался. Раз заплакал. Я глажу, а у него слёзы бегут. И у меня бегут. В школе приёмных матерей говорят, это потребность такая, общечеловеческая – получать заботу и заботиться. Это как дышать. Мы собрали уже всю сумму, я одну квартиру продала, через неделю едем в Израиль, операцию делать. Всё хорошо будет, я чувствую.

КОНЕЦ